

УДК 811.161.137
ББК 81.411.2-0

КНИЖНАЯ И РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В ДОКУМЕНТАХ ЦАРИЦЫНСКОГО ГОРОДОВОГО МАГИСТРАТА (1784–1799 гг.)

С.А. Преферансов

В статье определяются функциональные особенности различных по окраске единиц на основе сложившейся в XVIII столетии противопоставленности «книжное :: разговорное» в русском литературном языке нового типа; характеризуется использование в документах Царицынского городского магистрата средств книжной, деловой и обиходной речи, отражающее формирование стилевых норм и словоупотребление в сфере официального письменного общения как одной из сторон светской жизни населения региона.

Ключевые слова: история русского литературного языка, региональная письменность, книжная и разговорная лексика, деловой документ, архивный фонд.

Исследователи характеризуют XVIII в. как качественно иной этап в истории России, когда на смену средневековому типу общества приходит новое, которое остро нуждается в выработке своего языка культуры [6; 8].

Жанровое расширение текстов и развитие региональной письменности создают условия для использования в сфере официального общения различных пластов лексики, характеризующейся широким спектром функционально-стилевых значений [8, с. 11; 18, с. 130]. Прежде разъединенные элементы свободно смешиваются и начинают восприниматься как стилистически маркированные средства [13, с. 136], противопоставленные в рамках сложившейся оппозиции «книжное :: разговорное» [21, с. 10].

Язык деловой письменности, по мнению В.В. Виноградова, послужил той основой, из которой развивались новые формы национального выражения в истории русского литературного языка [1, с. 42, 44–45]. Это обуславливает особый интерес к местным архивам, в которых отложились различные комплексы

документов, зафиксировавших состояние канцелярского делопроизводства конкретной эпохи [20, с. 6]. Архивный фонд Царицынского городского магистрата начинает складываться в последней четверти XVIII в., поскольку образование магистрата в Царицыне, уездном городе Саратовской губернии, относится к 1784 году. Согласно реформе губернского управления 1775 г. названное учреждение являлось судом для торгово-промышленного населения округа, но фактически выполняло функции органа местного самоуправления. В состав рассматриваемого нами архивного фонда входят документы различных видов. Содержательная и жанровая специфика деловых бумаг обуславливает различное соотношение книжных и разговорных элементов в структуре текстов.

Для XVIII столетия, как известно, была свойственна некоторая неопределенность стилистических границ слов, что, в частности, отмечалось в различных языковых программах кодификаторов того времени. Степень включенности в русский литературный язык славянизмов, заимствований, архаизмов, средств живой речи [7, с. 3–5], функциональное расслоение средств, разграничение понятий «престижное – непрестижное» (термины Б.А. Успенского [21]) на основе квалификации

элементов южнославянского и восточнославянского происхождения позволили создать предпосылки для формирования различных речевых стилей [3, с. 155], в которых доминировала книжная или разговорная стихия [12, с. 424–425]. Этот процесс нашел отражение в «теории трех штилей» и в выделении М.В. Ломоносовым среднего стиля с довольно разнообразным составом средств, употребляемых в нехудожественных текстах, в том числе и деловых [2, с. 137; 4, с. 68].

Осознание роли деловой письменности в формировании русского литературного языка Нового времени [6] касается многих аспектов: эволюции системы делопроизводства, норм канцелярской речи, отражающей определенное соотношение нейтральных, книжно-славянских, приказных и народно-разговорных элементов [5, с. 18; 10, с. 6; 11, с. 132]. Исследователи указывают на то, что демократические процессы приводят к изменению статуса делового (скорописного) письма, которое в XVIII в., по словам Г.О. Винокура, представляется грамотным, литературным [4, с. 68, 70]. Говоря о функциях славянизмов, заимствований и разговорных слов (выражений) в документах того времени, А.П. Майоров отмечает, что, в отличие от старой приказной традиции, канцелярский слог свою главную опору имеет в языке книжном. В то же время, пишет ученый, подвергаясь определенной упорядоченности и нормализации, лексика по своей стилистической отнесенности употребляется уже не только и не столько в связи с ее генетическим происхождением, сколько в соответствии с функциональной окраской [14, с. 166–167]. В состав средств книжного языка включались церковнославянские, архаичные, древнерусские и общеславянские элементы, объединенные определенным стилистическим значением [9, с. 233]. Часть книжной лексики (в том числе абстрактной) уже могла закрепляться за выражением делового содержания [там же, с. 220].

Разграничение противоположных по своей характеристике языковых единиц в ДЦГМ проводится в данном исследовании с учетом представлений, отраженных в трудах кодификаторов XVIII в. и словарях. В САР, прежде всего, выделяются слова, имеющие пометы «славенское», «обветшалое», «в смысле переносном», языковые единицы, закрепленные за

определенной сферой употребления и отмеченные как «риторическое», «грамматическое», «въ высокомъ слоге употребляемо»; используется помета «в приказном употреблении», которая свидетельствует о том, что данное слово свойственно старому приказному слогу (САР. Т. I. С. XVI). В СЦРЯ (Т. I. С. VII) и СлРЯ XVIII (Вып. 15. С. 48–53, 112–114) спектр помет шире. Стилистически маркированные в XVIII в. единицы, обозначенные в них как «церковное», «славенское», сохраняют связь с особыми стилями выражения и вносят в контекст специфическую экспрессивную окраску; здесь имеются уточняющие пометы «книжно-славенское» (для слов, употреблявшихся в текстах книжно-славянского типа языка первой половины XVIII в.), «церковно-славянское» (для выражений из церковных книг), «поэтическое» (для слов с оттенком поэтичности, используемых в соответствующих контекстах). О принадлежности к определенным стилям и письменным жанрам говорят такие пометы, как «риторическое», «научное», «дипломатическое», «канцелярское» (для слов и выражений, свойственных канцелярской системе XVIII столетия), «приказное» (для лексики приказного делопроизводства) и др. В СЦРЯ и СлРЯ XVIII получают маркировку специальные термины: например, «банковское», «юридическое» и др.

Живые процессы, происходившие в русском языке того периода, индивидуальная квалификация слов и выражений современниками и не всегда полная фиксация в словарях тех или иных лексических вариантов [6, с. 299] создают трудности в распознавании стилистической окраски. При определении книжных средств, которые становятся неотъемлемым атрибутом деловой речи [14, с. 12], мы учитываем модели словосложения, устойчивые этикетные фразы, обращения и определения, специфику использования терминов, лексики разнотенетического источника, в том числе в составе предложно-падежных конструкций, и т. д.

Сфера деятельности Царицынского городского магистрата обуславливает употребление большого количества языковых единиц с приметами церковнославянизмов [20]. Так, высокую частотность в текстах имеет книжный глагол *благоволить*: *благоволило* *уведомить* (Указ Саратовского наместнического

правления 1796 г. Ед. хр. 157. Л. 2)¹, *благово-
литъ откомандировать* (Сообщение уезд-
ного землемера 1792 г. Ед. хр. 123. Л. 1 об.);
о чемъ благоволитъ быть извещень (Сооб-
щение царицынского коменданта 1787 г.
Ед. хр. 43. Л. 2 об.) и др.

Специфика делового текста проявляется в определенных конструкциях. Приметой канцелярского слога, например, является значение долженствования, выраженное глаголом *иметь* в настоящем времени, который находится в постпозиции к страдательному краткому причастию и связочному инфинитиву *быть*: *и по оному Ея Императорскаго Величества указу в Царицынскомъ городо-
вомъ магистрате надлежащее исполнение
учинено быть имеетъ* (Рапорт Царицын-
ского городского магистрата о получении ука-
за 1795 г. Ед. хр. 55. Л. 98).

В текстах документов книжные слова и формы в большинстве случаев не являются экспрессивными и служат для передачи какой-либо информации. Это глаголы с церковнославянскими приставками (*воспоследовало, возвратился* и др.), прилагательные с архаичным окончанием *-аго* в Род. п. (*купеческаго, другаго*), архаичные формы (*суща* и др.), сложные слова (*всемискореишем времени* и др.), лексемы с приметами церковнославянизмов (*хощу, допускать, тщатися, спомоществовать* и др.) и т. д. Для книжной лексики характерны абстрактные отвлеченные значения [8, с. 83; 16, с. 158]. В частности, наблюдается употребление существительных (*порокъ, таинность, сомнение* и др.), глагольно-именных сочетаний (*имею сомнение, имели разъ суждение* и др.), наречий (*нелицемерно, благопристойно* и др.). В ряде случаев в контексте соединяются в речевой цепи несколько книжных слов, близких по значению, но имеющих окраску, свойственную деловому слогу. Например, в Доношении царицынского посадского Григория Соболева 1790 г.: *по имевшемуся у меня желанию и ревности согласился я именованной за семейство царицынскаго посадскаго Ивана Зуева... продолжать военную ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА службу* (Ед. хр. 85. Л. 45). В данном фрагменте выделенные отвлеченные существительные обозначают проявление стремления к чему-либо (СлРЯ XI–

XVII. Вып. 5. С. 80; Вып. 22. С. 129), различаются степенью интенсивности признака и указывают на отношение человека к несению военных обязанностей.

В массиве фактов большую группу слов составляют термины, отражающие определенные отрасли человеческой деятельности: административную, юридическую, экономическую, торговую и др. В частности, это названия бумаг (*допросъ, приговоръ, челобитная, контрактъ* и др.), учреждений (*наместническое правление, комендантское правление, городовои магистратъ* и др.), государственных чинов и должностей (*ассессоръ, секретарь, регистраторъ* и др.), процессуальных действий (*слушали, приказали, резолюциею заключено, резолюциею велено* и др.); клишированные обороты, используемые для придания юридической силы документу (*руку приложилъ, подписано тако, своеручно подписался* и др.). Значительный пласт в этих тематических группах, как показывают примеры, составляют европеизмы.

Характером деятельности магистрата как судебно-административного учреждения [20] обусловлено функционирование большого количества юридических терминов. Обращает на себя внимание то, что в данный период развития русского литературного языка часто используются заимствованные обозначения. Это, например, названия субъектов судебного разбирательства, в частности должности представителей следственных органов: *бургомистръ* – «старший член магистрата» (САР. Т. I. С. 89), *ратмонъ* – «второй член магистрата» (САР. Т. V. С. 87), *депутатъ* – «доверенное лицо военных органов, посылаемое для допроса ответчика, свидетеля» (СлРЯ XVIII. Вып. 6. С. 99). Юридическая лексика представлена также общеславянскими, древнерусскими, старорусскими словами, которые могут получать специальное значение: наименования атрибутов следственного процесса, способствующих инициированию дела: *жалоба, искъ, обида* и др., и расследованию преступления: *обстоятельства, касающиеся по делу; показания, доказательство*; обозначения уголовных преступлений: *смертоубивство, подложное приписывание* – «фальсифицированное причисление людей к тому или иному социальному классу, разряду» (СЦРЯ.

Т. III. С. 263, 481), гражданских правонарушений: *недоимки, неустойка* и др., мер административного воздействия: *взыскать, взимать, взыскание, взимание*.

Тематика различных книг записи (явочных прошений, кредитных писем, контрактных и вексельных записей), посвященных освидетельствованию торгово-имущественных и финансовых отношений граждан, обуславливает функционирование в деловых документах терминов экономики, торговли (*вексельное обязательство, кредитъ, ходячею монетою, коммерция* и др.). Рапорты, подписки, объяснения и другие документы содержат сведения о причислении граждан к какому-либо сословию, что фиксируется с помощью обозначений социального положения лиц (*мещанинъ, купецъ, крестьянинъ, посадской* и др.), информацию о налоговых сборах и их разновидностях (*государственные подати, подушной окладъ* и др.).

Содержание ряда документов позволяет говорить об активности военной лексики, в составе которой имеются наименования лиц по роду войск (*драгунъ*), функции (например, по способу сопровождения до места сбора: *отдатчикъ* (СлРЯ XVIII. Вып. 17. С. 222), статусу: *рекруты*, то есть новобранцы). Следует отметить большое количество заимствованных единиц (преимущественно из польского и немецкого языков), особенно со значением «воинское звание» (*майор, капраль, подпоручикъ* и т. д.).

Лексика живой речи, включаемая нами в понятие «разговорное», выделяется в научной литературе по различным критериям [17, с. 99]. Они связаны, по мнению Н.А. Тупиковой, не только с оценочной характеристикой «сниженности», но и с естественностью, «простотой» речи, с социально-функциональной квалификацией языковых средств, свойственных разговору представителей «социальных низов» [19, с. 330]. Состав «простых» слов является неоднородным; значительную часть составляет лексика русского происхождения, не обладающая какой-либо экспрессией и обозначающая обиходно-бытовые реалии и понятия [8, с. 12]. Средства, относимые нами к разряду простых, разговорных, в том числе сниженных, имеют в словарях пометы «просто же», «простое», «в про-

сторечии», «просторечное», «простонародное»; сюда включается также лексика территориально ограниченная, маркированная в СЦРЯ и СлРЯ XVIII пометой «областное». Факты устной речи в письменных текстах, по мнению Ф.П. Филина, свидетельствуют о сильном влиянии социального фактора на использование языка; это отражается не только в отнесении ряда слов к речи низших классов общества [8, с. 13], но и в квалификации некоторых единиц с помощью словарной пометы «уничижительное».

Документы Царицынского городского магистрата фиксируют различные стороны жизни местного населения – представителей разных сословий. Значительная часть лексики, которая проанализирована нами в рассматриваемом памятнике письменности, не обладает какой-либо экспрессией и обозначает обиходные понятия. Это названия строений (*амбаръ, каретной сараи, изба, сени* и др.), посуды (*стаканъ, полъ ведра* и др.), одежды (*рубаша, шуба* и др.), товаров (*рыба, лесъ* и др.), видов деятельности (*серебряное мастерство, рыбная ловля* и др.), лиц по возрастному и другим признакам (*мальчикъ, баба* и др.). Простонародная стихия включена в тексты рассматриваемых документов через варианты формы общеупотребительных глаголов и существительных: *нести* вместо *нести*, *донести* вместо *донести*, *куда* вместо *куда*, *видаль* вместо *видель*, *смертоубивства* вместо *смертоубийства*; аканье и глагольные окончания, свойственные московскому говору (*стараста, подпарутчик, просят, ходют*); оценочно-экспрессивные элементы (*несносные, орать, подичаль* – «отстранился, удалился от общества» (САР. Т. II. С. 669) и др.). К разговорной лексике относятся некоторые союзы (*доселе, али*), частицы, вводящие косвенную речь при передаче показаний допрашиваемых (*де* и др.), прилагательные с окраской непринужденности (*нынешнии, всегдашнии, здешнии* и др.), наречия (*сперва* и др.). Русизмы проявляют себя в деловых текстах при употреблении языковых единиц с русскими формантами (*упоминаемой, городского*), разговорными вариантами окончаний (*году, лесу* и др.), суффиксом многократного действия (*езживаль, угащиваль* и др.).

Встречаются в документах конкретные по значению слова, выступающие в книжной форме. Например: *по делу о зарезании царицынским казаком Семеном Протопоповым царицынского посадского Николая Медведева...* (Допрос 1793 г. Ед. хр. 133. Л. 10). В приведенном контексте существительное *зарезание* со значением «лишение жизни посредством колющего оружия» (САР. Т. V. С. 249) образовано от глагола лишения жизни *зарезать* по модели на *-ние* с семантикой отвлеченного процессуального действия, что позволяет лексеме использоваться с официально-деловой окраской для обозначения юридического понятия – совершения тяжкого преступления.

Представленность разговорной лексики обусловлена целевым назначением документа. Данная окраска чаще зафиксирована при изложении сведений, записанных со слов кого-либо, в частности, в допросах, посвященных расследованию противозаконных действий, где важными являются показания свидетелей и подозреваемых. Например, в допросе посадского Андрея Богомолова 1793 г.: *услыша крикъ жены ево вскоча увидали лежащего его на пороге мертваго и жена ево намъ рассказала что его закололъ сказанной казакъ протопоповъ а какимъ образомъ произошло оное действие онаго по притчине нашего сна не видаль ...ту жь самую минуту выскоча мы на дворъ закричали крауль...* (Ед. хр. 133. Л. 10 об.). В приведенном контексте употребляется конкретная лексика, нейтральная в стилистическом плане: глаголы речевого сообщения (*рассказала*), осуществления события (*произошло*), отвлеченное существительное (*действие*), причастие (*лежащего*); используется лексика, обозначающая степень родства (*жена*), место события (*дворъ, порогъ*) и свойственная непринужденной речи (*закричали, закололъ, ту жь самую минуту, крауль*); наблюдаются разговорные формы при обозначении лица (*казакъ протопоповъ, ево*), восприятия (*увидали, услыша*), однонаправленного движения (*вскоча, выскоча*).

Необходимость соблюдать требования официального характера изложения обуславливает сосуществование в рамках приведенного

фрагмента книжных и разговорных средств. Следует отметить архаичное местоимение, характерное для приказного слога, которое используется при указании на ранее упомянутое лицо, событие (*оное, онаго*) (СлРЯ XVIII. Вып. 17. С. 5), канцелярское выражение со значением образа действия *какимъ образомъ*, архаичное окончание Род. п. *-аго (мертваго, онаго)*. Книжным по стилистической окраске является и слово *сказанной* (с русским окончанием), известное еще в XVI в.; в официальном употреблении оно синонимично местоимению *оный* «названный, упомянутый ранее» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 24. С. 164). Выделяется в приведенном примере предложно-падежная конструкция *по притчине сна*, вводящая какие-либо юридические основания для рассмотрения дела.

Проанализированный материал, извлеченный из ДЦГМ, свидетельствует о функционировании в деловых текстах многообразных по своей окраске языковых средств. Рассматриваемая лексика имеет признаки, позволяющие разграничить языковые единицы в рамках противопоставленности «книжное :: разговорное». Официальный характер изложения обуславливает употребление слов, которые выступают в роли смыслообразующих элементов, реализующих специальные значения, свойственные канцелярскому делопроизводству.

Мотивированность и частотность использования славянизмов, русизмов и заимствований обусловлены не их генетической отнесенностью, а содержательной особенностью контекстов, специфических для формирующейся официально-деловой разновидности русского языка нового типа в XVIII столетии, стилевыми нормами в данной сфере общения.

Представленность книжной и некнижной стихий, профессиональной лексики, слов с терминологическими, абстрактными либо конкретными, обиходно-бытовыми значениями зависит от целевого назначения того или иного документа и отражает многоаспектную деятельность Царицынского городского магистрата, обслуживавшего нужды как государственных организаций, так и определенных лиц – выходцев из разных социальных слоев населения уездного города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее при ссылке на ДЦГМ в круглых скобках указаны название документа, номер единицы хранения и листа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. Основные этапы истории русского языка / В. В. Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 320 с.

2. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1982. – 528 с.

3. Вомперский, В. П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей / В. П. Вомперский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 210 с.

4. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.

5. Глинкина, Л. А. О статусе деловой письменности XVIII века в системе русского национального языка / Л. А. Глинкина // Международная юбилейная сессия, посвященная столетию со дня рождения академика В. В. Виноградова : тез. докл. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – С. 18–19.

6. Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 592 с.

7. Замкова, В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. / В. В. Замкова. – Л. : Наука, 1975. – 224 с.

8. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1981. – 376 с.

9. Ковалевская, Е. Г. История русского литературного языка : учеб. пособие для вузов / Е. Г. Ковалевская. – М. : Просвещение, 1978. – 384 с.

10. Котков, С. И. Очерки по синтаксису южно-великорусской письменности XVII века / С. И. Коткова, З.Д. Попова. – М. : Наука, 1986. – 158 с.

11. Коткова, Н. С. Выявление московских лексических норм XVII в. путем сравнения с периферийными данными / Н. С. Коткова // История русского языка и лингвистическое источниковедение / под ред. В. В. Иванова, А. И. Сумкиной. – М. : Наука, 1987. – С. 131–142.

12. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. / М. В. Ломоносов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 995 с.

13. Любимова, Л. М. Социальные модели устойчивых формул деловых памятников как объект исторической фразеологии / Л. М. Любимова // Вестник ЧитГУ. – 2009. – № 4 (55). – С. 134–140.

14. Майоров, А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. / А. П. Майоров. – М. : Азбуковник, 2006. – 264 с.

15. Словарь русского языка XVIII века : проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука, 1977. – 164 с.

16. Словарь русского языка XIX века : проект / отв. ред. З. М. Петрова. – СПб. : Наука, 2002. – 209 с.

17. Сорокин, Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» / С. Ю. Сорокин // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – С. 95–160.

18. Тупикова, Н. А. Лингвистический аспект исследования документов начала XVII в. в составе «русского» архива Яна Петра Сапеги / Н. А. Тупикова // Studia Rossica Posnaniensia. Vol. XXXII. – Poznan, 2005. – S. 129–140.

19. Тупикова, Н. А. Простота и «простонародность» в истории русского литературного языка / Н. А. Тупикова // Встреча с простотой / под ред. О. В. Иншакова. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – С. 317–342.

20. Тупикова, Н. А. Документы Царицынского городского магистрата как памятник региональной письменности конца XVIII века / Н. А. Тупикова, С. А. Преферансов // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство / редкол.: Н. А. Тупикова (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 5–19.

21. Успенский, Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 215 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ДЦГМ – документы Царицынского городского магистрата. Государственный архив Волгоградской области. Ф. № 233. Оп. № 2. (При цитировании сохраняется орфография источника, используется упрощенная графика.)

САР – Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. – Л. : Наука, 1984–1991 ; Вып. 7–17. – СПб. : Наука, 1992–2007.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. – М. : Наука, 1975–2006.

СЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук : в 4 т. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1847.

WRITTEN AND SPOKEN LEXICS IN OFFICIAL DOCUMENT
OF TSARITSIN TOWN COUNCIL (1784–1799)

S.A. Preferansov

The article differentiates functional specifics of lexical connotations in the Russian literary language of the 18th c. on the opposition of “bookish :: spoken” lexemes; the author characterizes stylistic norms of official written communication on the basis of co-occurrence of bookish, official, and colloquial lexical means in the documents of Tsaritsin town council.

Key words: *Russian literary language history, regional literary text, written and colloquial lexics, official document, archive depository.*